

ЧАК ПАЛАНИК

18+

NEOCLASSIC

ПРОКЛЯТЫЕ

РОМАН

Мэдисон Спенсер

Чак Паланик

Проклятые

«АСТ»

2011

Паланик Ч.

Проклятые / Ч. Паланик — «АСТ», 2011 — (Мэдисон Спенсер)

ISBN 978-5-17-081925-6

Добро пожаловать в ад! Для начала забудьте про кипящие котлы, ядовитый аромат серы и прочие ветхозаветные пошлости. В преисподней грешников ждет, в общем, вполне благоустроенная послежизнь – с маленькими нюансами. Как говорится, дьявол – в деталях. Тринадцатилетняя дочь голливудской кинозвезды Мэдисон Спенсер, совершившая самоубийство по девчоночьей дурости, не намерена прозябать в адском «болоте». Она ищет выход. А кто ищет, тот всегда найдет!..

ISBN 978-5-17-081925-6

© Паланик Ч., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

I	5
II	8
III	12
IV	15
V	19
VI	23
VII	26
VIII	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чак Паланик

Проклятые

*Жизнь коротка.
Смерть бесконечна*

I

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Попала я сюда – в смысле, в ад – совсем недавно. Только я ни в чем не виновата. Ну если не считать того, что умерла от передоза марихуаны. Или того, что я толстая – настоящий жиртрест. Если в ад попадают из-за низкой самооценки, это как раз мой случай. Я бы с удовольствием наврала, что я стройная блондинка с большими булками. Но я толстая, и у меня есть на то веские причины.

Для начала позволь мне представиться.

Как бы точнее вербализовать ощущение себя мертвой...

Да, я знаю слово «вербализовать». Я мертвая, а не умственно отсталая!

Честное слово, быть мертвой гораздо проще, чем умирать. Тому, кто часто и долго смотрит телевизор, быть мертвым покажется совсем легко. Вообще-то и телик, и блуждание по Интернету – самая лучшая подготовка к жизни после смерти.

Очень хорошо посмертное существование иллюстрирует такая картинка: моя мама загружает ноутбук и подключается к охранной системе нашего дома в Масатлане или Банфе.

– Смотри! – Она разворачивает экран ко мне. – Снег идет!

На экране мягко светится наш дом в Милане, где за огромными окнами падает снег. Мама дистанционно, нажимая клавиши Ctrl, Alt и W, распаивает шторы в большой комнате. Нажимая Ctrl и D, она приглушает свет, и вот мы прямо из поезда, машины или самолета любимся зимним пейзажем на экране. Клавишами Ctrl и F мама зажигает газовый камин, и мы слушаем через аудиомониторы охранной системы, как в Италии с шорохом падает снег и потрескивает пламя.

Потом мама загружается в наш дом в Кейптауне. Потом – в Брентвуде. Она может жить везде и нигде, вздыхать по закатам и листьям в любом уголке земного шара, только не там, где находится прямо сейчас. В лучшем случае – бдительная хозяйка. В худшем – вуайеристка.

Моя мама полдня могла убить за компьютером, рассматривая пустые комнаты, заполненные только мебелью. Дистанционно подстраивая термостат. Приглушая свет и подбирая под каждое помещение музыку нужной громкости.

– От взломщиков, – говорила она мне и переключалась на новую камеру, чтобы понаблюдать, как сомалийская горничная убирает в наших парижских апартаментах.

Ссутулившись над экраном компьютера, мама вздыхала:

– А в Лондоне у меня цветут рододендроны...

– Рододендроны, – поправлял ее отец, лица которого не было видно за «Таймс», открытой на разделе бизнеса.

Иногда мама хихикала и нажимала Ctrl+L, чтобы запереть в ванной находившуюся в трех континентах от нее горничную – за то, что та плохо отчистила кафель. Мать считала это забавными проказами. Этакое воздействие на окружающую среду без физического присутствия. Заочное потребление. Как хит, записанный тобой десятки лет назад, еще крутится в голове

какого-нибудь китайца с дешевой фабрики, с которым ты никогда не познакомишься. Вроде бы власть, но какая-то бессмысленная и бессильная.

На компьютерном экране в нашем дубайском доме горничная ставила на подоконник вазу со свежими пионами. Мама, которая шпионила за ней по спутнику, нажимала кнопки, чтобы охладить комнату до температуры морозилки или лыжного курорта, и тратила на фреон и электричество целое состояние, пытаясь хоть на день продлить жизнь несчастному десяти-долларовому букетику.

Вот что такое быть мертвой. Да, я знаю слово «заочное». Я тринадцатилетняя девочка, а не дура! А умерев, я прочувствовала «заочность» в полной мере.

Быть мертвой – это совсем как путешествие без багажа.

Быть мертвой – это по-настоящему быть мертвой, постоянно, двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году... всегда.

Как передать ощущение, когда из тебя выкачивают всю кровь? Лучше не стану вам описывать. Наверное, даже не надо было говорить, что я мертвая, ведь сейчас вы, конечно, считаете себя гораздо круче. Даже толстые считают себя круче мертвых. И все-таки... Читайте. Вот оно, Мое Ужасное Признание. Сознаюсь во всем и очищу совесть, не буду ничего скрывать. Да, я мертвая. И не надо тыкать мне этим в нос.

Конечно, все мы кажемся друг другу странными и непонятными, но мертвые – страннее всех. Мы еще поймем, если какая-нибудь девица ударится в католичество или гомосексуализм, но если она сознается в собственной смерти... Мы ненавидим тех, кто не может избавиться от дурной привычки. Смерть хуже пристрастия к алкоголю или героину, смерть – самая большая слабость. В мире, где тебя считают лентяйкой, если ты не бреешь ноги, быть мертвой и вовсе за гранью.

Будто ты сачкуешь от жизни. Плохо старалась и не реализовала свой потенциал. Слабачка! Толстая да еще и мертвая – двойная засада, уж я-то знаю.

Да, так нечестно, но даже если вам меня жалко, вы все равно чертовски довольны, что еще живы. Сидите себе и жуete кусок бедного животного, которому не повезло оказаться в пищевой цепочке ниже вас.

Я все это вам говорю не для того, чтобы вызвать сочувствие. Я девочка тринадцати лет, и я мертва. Меня зовут Мэдисон, и мне ни к чему ваша дебильная снисходительность. Да, нечестно, но люди именно такие. Каждый раз во время знакомства у меня в голове пищит язвительный голосок: «Да, я очкастая, жирная и к тому же девчонка... Но я хотя бы не гей, не негр и не еврейка!» В смысле: хотя бы такая, как есть, мне хватило ума не быть такой, как вы. Так что я не рада признаваться, что я мертвая. Покойников все считают ниже себя, даже мексиканцы и больные СПИДом. Как в седьмом классе, когда на уроке «Влиятельные фигуры западной истории» рассказывают про Александра Великого, а в голове постоянно звучит: «Если он был таким смелым, умным и, типа, великим... чего ж он тогда умер?»

Да, я знаю слово «язвительный».

Смерть – это та Большая Ошибка, которую никто не собирается совершать. Отсюда все ваши булki с отрубями и колоноскопия. Отсюда витамины и мази с шейки матки. Да что вы, вы никогда не умрете, круче вас только яйца. Ну и на здоровье. Натирайтесь себе дальше солнцезащитным кремом и ощупывайте, нет ли где припухлостей. Не буду портить вам Великий Сюрприз.

Только учтите: когда вы все-таки умрете, даже бомжи и умственно отсталые вряд ли захотят поменяться с вами местами. Вас слопают черви – вопиющее нарушение прав человека! Смерть наверняка незаконна, но почему-то «Международная амнистия» не собирает против нее подписи. Рок-звезды не проводят благотворительные концерты, не записывают синглы и не обещают отдать всю выручку на решение этой проблемы. Проблемы поедания червями МОЕГО лица.

Мама сказала бы, что я опять юмору не по делу и слишком легкомысленно ко всему отношусь.

– Мэдисон, пожалуйста, перестань умничать, – вздохнула бы она. – Ты покойница. Так успокойся.

А для отца моя смерть, наверное, стала огромным облегчением. Теперь он хоть перестанет дергаться, что я его поставлю в неловкое положение... гм, своим положением. Отец часто говорил:

– Ох, Мэдисон, твоему будущему парню мало не покажется...

Это уж точно.

Когда умерла моя золотая рыбка Мистер Плюх, мы смыли его в унитаз. Когда умер мой котенок Тиграстик, я попыталась сделать то же самое, и пришлось вызывать сантехника, чтобы тот прочистил трубу тросом. Душераздирающее зрелище. Бедный Тиграстик!

Когда умерла я – не буду вдаваться в подробности, но скажем так: один мистер Изврат Извраткинс получил мое голое тело в полное распоряжение. Этот прозектор спустил мою кровь, а потом вытворял Бог знает что с моим девственным тринадцатилетним вместилищем. Может, я и юмору, но смерть – шуточка еще та. Подумать только: после всех оплаченных мамой химических завивок и уроков балета меня вылизал горячим языком какой-то толсто-брюхий дядька из морга.

Вот что я вам скажу: умершие вынуждены отказаться от всех претензий на личное пространство. И вообще, я умерла не потому, что ленилась жить. И не потому, что хотела наказать родных. Как бы я ни поливала своих предков, не думайте, что я их ненавижу.

Я даже какое-то время потусовалась рядом, посмотрела, как мама, ссутулившись над ноутбуком, нажимает на Ctrl, Alt и L, чтобы запереть двери моей комнаты в Риме, моей комнаты в Афинах, всех моих комнат по всему миру. Потом она закрыла с клавиатуры все мои шторы, включила кондиционер и электростатическую фильтрацию воздуха, чтобы на мои игрушки и одежду не села ни одна пылинка.

Понятное дело, я скучаю по родителям больше, чем они по мне: ведь они любили меня только тринадцать лет, а я их – всю жизнь. Уж простите, что не проболталась с мамой подольше, но я не хочу тупо на всех смотреть, морозить комнаты, включать и выключать свет и дергать шторы. Я не хочу быть просто вуайеристкой.

Да, так нечестно, но земля кажется нам адом именно потому, что мы надеемся найти тут рай. Земля – это земля. Мертвые – это мертвые. Вы сами довольно скоро во всем убедитесь. И расстраиваться нет никакого смысла.

II

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Только не подумай, что мне в аду совсем не нравится. Правда-правда, тут даже круто. Куда круче, чем я думала. Сразу видно, как тщательно ты продумал эти пузырящиеся, бурные океаны обжигающе горячей рвоты, эту сернистую вонь и жужжащие тучи черных мух.

Если такое описание ада вас не впечатлило, считайте это моей недоработкой. В смысле, что я вообще знаю? Любой взрослый, наверное, обмочится от страха при виде летучих мышей-вампиров и величественных каскадов вонючего дерьма. Я сама виновата: если я когда-то и представляла себе ад, то лишь как более жаркую версию «Клуба “Завтрак”»¹ – классического фильма про популярную смазливую чирлидершу, бунтаря-нарика, тупого спортсмена, парня-заучку и девчонку-психопатку, которых в наказание заставили приехать в школу в субботу и заперли в библиотеке. Только в моей версии все книги и стулья загорелись.

Да, может, вы живой, гомосексуалист, старик или мексиканец, может, вы считаете себя круче, но зато у меня есть практический опыт. Я-то помню, как проснулась в первый день в аду, и вам придется поверить мне на слово. Да, так нечестно, но забудьте про знаменитый туннель яркого призрачно-белого света и давно усопших бабуль и дедуль, которые встречают вас с распростертыми объятиями. Кто-то, может, и сообщал вам о подобных радужных перспективах, но учтите: эти люди еще живы или прожили достаточно долго, чтобы успеть обо всем рассказать. Я вот к чему: у них было то, что называется «околосмертными переживаниями». Я же, с другой стороны, мертва. Мою кровь давно выкачали, меня давно глодают черви. По-моему, я тут большой авторитет. Ну а остальные, вроде великого итальянца Данте Алигьери, впридачу читающей публике щедрые порции наивнятины.

Так что не хотите – не читайте, только потом сами будете виноваты.

Для начала вы очнетесь на каменном полу, в мрачной клетке из железных прутьев. Настоятельный совет: ничего не трогайте! Эти прутья ужасно грязные. На вид они даже немного склизкие, то ли от плесени, то ли от крови. Если случайно вы их все-таки коснетесь, держите руки подальше от лица и одежды – надо ведь хоть к Судному дню сохранить более или менее приличный вид.

И ни в коем случае не ешьте разбросанные повсюду сладости.

Как именно я попала в подземный мир, я еще не разобралась. Помню, где-то у обочины стоял лимузин, перед ним – шофер с белым плакатом и надписью кривыми буквами: «МЭДИ-СОН СПЕНСЕР». Шофер – такие никогда не говорят по-английски – был в зеркальных очках и фуражке, так что лица я почти не увидела. Помню еще, как он открыл мне заднюю дверь. Потом мы долго ехали, и сквозь темные стекла я толком ничего не рассмотрела. Впрочем, это время особо не отличалось от тысяч и тысяч часов, которые я провела между аэропортами и городами. Привез ли меня лимузин в ад, поклясться не могу, но потом я проснулась в грязной клетке.

Видимо, разбудил меня чей-то крик. В аду постоянно кто-то кричит. Если вы когда-нибудь летали из Лондона в Сидней рядом с капризным младенцем, вы и так прекрасно знаете, как все в аду устроено. Незнакомцы, толпы, бесконечное ожидание и никаких событий – короче, ад покажется вам одним большим и ностальгическим приступом дежа-вю. Особенно если в самолете показывали фильм «Английский пациент». В аду, если демоны объявят, что

---

¹ «Клуб “Завтрак”» (англ. The Breakfast Club) – фильм режиссера Джона Хьюза (1985 г.) про подростков-старшеклассников. Роль «чирлидерши» Клэр Стэндиш исполнила известная актриса молодежных фильмов Молли Рингуолд, «психопатку» Элисон Рейнольдс сыграла Элли Шиди.

сейчас порадуют всех голливудским фильмом, расслабьтесь: это будет или «Английский пациент», или «Пианино». Хоть бы раз показали «Клуб “Завтрак”»!

А что касается вони, вы бы побывали летом в Неаполе во время мусорного кризиса.

Я думаю, в аду кричат просто для того, чтобы послушать собственный голос и как-то развлечься. И вообще: жаловаться на ад слишком уж пошло и эгоистично. На свете есть много гадостей, которые доставляют удовольствие именно своей гадостностью. Например, мороженные пирожки с курятиной или стейк «Солсбери», которые лопаешь, когда у поварихи в интернате выходной. Или любая еда в Шотландии. Я думаю, единственная причина, по которой мы получаем удовольствие, например, от просмотра «Долины кукол»², – нам комфортно убежаться в ее низком качестве.

А вот «Английский пациент» изо всех сил старается быть проникновенным, только выходит зубодробительная скука.

Простите, что повторяюсь, но земля кажется нам адом именно потому, что мы надеемся найти тут рай. Земля – это земля. Ад – это ад. А теперь хватит вить.

Если про это помнить, то не будешь рыдать, скрипеть зубами и рвать на себе одежду, оказавшись в аду в канализационном стоке или на раскаленных добела бритвенных лезвиях. Слишком банально. Слишком... лицемерно. Словно купить билет на фильм «Жан де Флоретт», а потом громко жаловаться и возмущаться, что все актеры говорят по-французски. Или поехать в Лас-Вегас, а потом ныть о том, как там все вульгарно. Конечно, ведь даже в элегантных казино с хрустальными люстрами и витражами стоит целая армия пластмассовых игровых автоматов, которые гудят и мигают всеми огнями, чтобы привлечь ваше внимание. В таких ситуациях те, кто воет и скулит, наверное, думают, что кому-то полезны, но на самом деле просто всех раздражают.

Второе важное правило, которое стоит повторить, – не ешьте сладости. Впрочем, вам вряд ли захочется, потому что они валяются прямо на земле и не соблазнят даже толстяков и героиновых наркоманов: всякие леденцы, затвердевшая жевательная резинка «Базука», пастилки «Сен-Сен», ириски с морской солью, лакричные желатинки «Кроуз» и шарики сладкого поп-корна.

Напоминаю: раз вы живы, негр, еврей или кто-то в этом роде (вот и славно, налегайте дальше на булки с отрубями), вам придется верить мне на слово, так что слушайте меня хорошенько.

В обе стороны от вашей клетки тянутся другие такие же, до самого горизонта. Почти во всех по одному заключенному, и почти каждый орет благим матом.

Не успела я открыть глаза, как услышала голос другой девочки:

– Не трогай прутья!

В соседней клетке стоит девочка-подросток и показывает мне свои руки, растопыривает пальцы, демонстрируя измазанные грязью ладони. В аду, кстати говоря, ужасная плесень. Словно весь подземный мир страдает синдромом больных зданий.

Моя соседка наверняка старшеклассница, потому что на ее бедрах вполне удерживается прямая юбка, а блузку спереди оттопыривает настоящая грудь, а не какие-то там оборки или плиссировка. Тут, правда, в глаза лезет дым, да еще и летучие мыши-вампиры, но я вижу, что ее туфли от Маноло Бланика – поддельные, какие тайком покупают в Интернете за пять долларов на пиратской фабрике в Сингапуре. Если вы еще не устали, новый совет: не вздумайте умирать в дешевой обуви. Ад для обуви... в общем, ад. Все пластмассовое плавится. Так что если не хотите остаток вечности шлепать по битому стеклу босиком, когда по вас зазвонит

---

² «Долина кукол» (англ. Valley of the Dolls) – экранизация одноименного романа актрисы Жаклин Сьюзен о сложной судьбе трех актрис. Несмотря на коммерческий успех, была довольно холодно встречена критиками.

пресловутый колокол, серьезно подумайте, не надеть ли мокасины. Желательно темные, чтобы не было видно грязи.

Девушка из соседней клетки спрашивает:

– За что тебя прокляли?

Я встаю и отряхиваю свою юбку-шорты.

– Да за курение травки, наверно.

Скорее из вежливости, чем из искреннего интереса я спрашиваю девушку о ее главном грехе.

Она пожимает плечами, тычет грязным пальцем в свои ноги.

– Носила белые туфли осенью.

Печальные туфли, однако. Эрзац-кожа уже потертая, поддельные «маноло» ни за что не отчистишь.

– Красивые туфли, – вру я, кивая на ее ноги. – Это «маноло бланики»?

– Ага, – врет она в ответ. – Дорогушие!

Еще одна примечательная особенность ада:

каждый раз, когда спрашиваешь кого-то, почему его или ее сюда сослали, в ответ услышишь «переходил улицу в непопозволенном месте», или «носила коричневые туфли с черной сумочкой», или еще какую-нибудь ерунду. Глупо рассчитывать на честность в аду. Впрочем, это относится и к земле.

Девушка из соседней клетки делает шаг в мою сторону и, глядя на меня, говорит:

– А ты очень хорошенькая!

Что доказывает ее беспросветную и наглую лживость. Я молчу.

– Нет, правда! Тебе нужно только ярче подвести глазки и наложить тушь!

Она уже роется в сумочке – тоже белая, поддельный «Коуч» из искусственной кожи – достает тубик туши и компактные бирюзовые тени «Эйвон». Грязной ладонью машет мне, чтобы я просунула лицо между прутьями.

Как показывает мой опыт, обычно девочки чрезвычайно умные – пока у них не вырастает грудь. Можете считать это наблюдение моим предрассудком и списать все на мой юный возраст, но мне кажется, что к тринадцати годам люди достигают полного расцвета ума и личностных качеств. Как девочки, так и мальчики. Не хочу хвастаться, но думаю, что человек в возрасте тринадцати лет доходит до своей максимальной исключительности. Вспомните Пеппи Длинныйчулок, Поллианну³, Тома Сойера и Денниса-мучителя⁴. Потом начинаются душевные конфликты, играют гормоны и рушатся гендерные ожидания. Дайте только девочкам пережить первую менструацию, а мальчикам – первую ночную поллюцию, и они мгновенно лишатся ума и таланта. Опять-таки ссылаюсь на тему «Влиятельные фигуры западной истории»: после пубертации, как между древнегреческим Просвещением и итальянским Ренессансом, надолго воцаряются темные века. Когда у девочек появляется грудь, они забывают, какими были смелыми и сообразительными. Мальчишки тоже бывают по-своему умными и веселыми, но после первой эрекции становятся полными дебилами на ближайшие шестьдесят лет. Для обоих полов подростковый возраст превращается в ледниковый период тупости.

И да, я знаю слово «гендерный». О боги! Может, я и толстая, безгрудая, близорукая покойница, но я не дебилка.

И я в курсе: когда суперсексуальная девица старшего возраста, у которой есть бедра, груди и пышные волосы, хочет снять с тебя очки и нарисовать «дымчатые глаза», она просто

---

³ Поллианна (*англ.* Pollyanna) – девочка-сирота из одноименного романа детской писательницы Элеанор Портер, жизнерадостная, бодрая и сообразительная.

⁴ Деннис-мучитель (*англ.* Dennis the Menace) – герой американского комикса Хэнка Кетчема, впоследствии – герой одноименного фильма с продолжениями. Это светловолосый симпатичный мальчик пяти-шести лет, любитель всевозможных проделок.

пытается отправить тебя на конкурс красоты, в котором уже победила. Этакий подлый снисходительный жест. Совсем как когда богатые спрашивают бедных, где те проводят лето. Весьма попахивает бестактным шовинизмом а-ля «если у них нет хлеба, пусть едят пирожные».

Или же эта мадам – лесбиянка. В любом случае я не подставляю ей лицо, хоть она и стоит наготове, размахивая щеточкой с комками туши, как Фея Крестная – волшебной палочкой, чтобы превратить меня в дешевую версию Золушки. Если честно, всякий раз, когда я смотрю «Клуб “Завтрак”» Джона Хьюза и Молли Рингуолд заводит бедную Элли Шиди в туалет, а потом выводит с уродливыми мазками румян под каждой скулой в стиле восьмидесятых, с мажорной ленточкой на волосах, раскрасив ей губы в старомодный ярко-красный цвет, как у фарфоровой куклы (дешевая имитация самой Рингуолд, настоящей Сучки фон Сучкинс, прозомбированной журналом «Вог»), – так вот, когда бедная Элли превращается в живой рекламный постер, я всегда кричу в телевизор: «Элли, беги!» Нет, честно, я кричу: «Элли, умойся и беги оттуда скорее!»

Вместо того чтобы подставить соседке лицо, я говорю:

– Да не, не надо, пусть моя экзема немного подсохнет.

Волшебная палочка-тушь мигом отдергивается, тени и помады с грохотом падают в поддельную сумку, а их хозяйка сощуривается и ищет на моем лице красноту воспалений, чешуйки и язвочки.

Как сказала бы моя мама:

– Каждая новая горничная хочет складывать ваше белье по-новому.

Это значит: будь умнее и не позволяй другим тобой командовать.

Вокруг нас клетки, одни пустые, в других сидят одиночки. Конечно же, тупые спортсмены, бунтари-наркоманы, зануды и мизантропы – все отбывают тут вечное наказание.

Да, так нечестно, но я наверняка просижу в этой клетке много веков, притворяясь, что у меня псориаз, вокруг всякие лицемеры будут кричать и жаловаться на сырость и вонь, а моя соседка Сучка фон Сучкинс будет садиться на корточки и полировать слюной и скомканной бумажной салфеткой свои дешевые белые туфли. Даже сквозь вонь дерьма, дыма и серы я слышу аромат ее духов из магазина «Всё за доллар», похожие на фруктовый запах жевательной резинки или шипучки. Если честно, лучше бы пахло просто дерьмом, но кто сможет задержать дыхание миллион лет подряд?

Так что я говорю просто из вежливости:

– Все равно спасибо. Ну, что хотела меня подкрасить. – Как воспитанная девочка, я выдавливаю из себя улыбку: – Я Мэдисон.

Моя соседка чуть ли не бросается к прутьям, которые нас разделяют. Все ее груди, бедра и туфли на каблуках безмерно благодарны мне за компанию, она широко улыбается, демонстрируя фарфоровые резцы массового производства. В проколотых мочках сверкают серьги, совсем как у Клэр Стэндиш, только вульгарные, размером с монету, не с бриллиантами, а из циркония с блестящей огранкой.

– Я Бабетт! – Уронив салфетку, она просовывает мне грязную, всю в потеках руку.

III

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Ты только не обижайся, но родители приучили меня верить, что ты не существуешь. Мама и папа говорили, что ты и Бог – порождение крошечного, суеверного и отсталого мозга деревенских проповедников и лицемерных республиканцев.

По словам моих родителей, ада не существует. Если бы вы спросили их, они наверняка сказали бы вам, что я уже родилась заново в виде бабочки, стволовой клетки или голубки. В смысле, оба считали, что надо бегать передо мной голышом, чтобы из меня не выросла мисс Изврат Извраткинс. Будто бы греха нет, есть только неправильный жизненный выбор. Недостаточный контроль над своими побуждениями. И зла как такового нет, а любая концепция борьбы добра со злом – всего лишь культурный конструкт, привязанный к конкретному времени и месту. Если что-то заставляет нас корректировать свое поведение, так только соблюдение общественного договора, а не какая-то смутная угроза огненного наказания. Зла просто нет, утверждали они, и даже серийные убийцы заслуживают кабельного телевидения и психологической помощи, потому что рецидивисты тоже страдают.

Совсем как наказанные ученики в классическом фильме Джона Хьюза «Клуб “Завтрак”», я пишу эссе в тысячу слов на тему «Так что же вы собой представляете?».

Да, я знаю слово «конструкт». Вообразите себя на моем месте: я сижу в запертой клетке в аду, мне тринадцать лет, я обречена быть тринадцатилеткой вечно – и все-таки я еще осознаю себя как личность.

Было бы хуже, если бы я задвигала вам про Гайю, Мать-Землю – как моя мама, когда рекламировала свой последний фильм в журнале «Вэнити фэйр». Там еще была фотка, как отец подвозит маму к красной дорожке в маленьком электромобильчике. А на самом деле, когда никто не видит, они летают на арендованном реактивном самолете, даже если надо забрать одежду из химчистки (конечно, химчистка во Франции).

Маму тогда номинировали на «Оскара» за роль монахини, которой становится скучно жить, и она убегает из монастыря к проституции, героину и абортам, а потом у нее вдруг появляется популярное дневное ток-шоу и муж Ричард Гир. В кинотеатры на этот фильм не пошла ни одна живая душа, зато критики кипятком писали. Кинокритики и обозреватели очень, очень надеются на то, что ада нет.

Мне кажется, я отношусь к «Клубу “Завтрак”» так же, как моя мама – к Вирджинии Вулф. В смысле, чтобы прочитать «Часы», ей пришлось принимать ксанакс, и то она потом почти год редела.

Еще в «Вэнити фэйр» моя мама сказала, что есть только одно истинное зло – это как нефтяные гиганты пользуются глобальным потеплением, чтобы уничтожить всех бедных белых медвежат. И самое ужасное: «Мы с дочкой Мэдисон уже много лет боремся с ее детским ожирением – оно стало для нас настоящей трагедией». Я в курсе, что значит термин «пассивная агрессия».

Обычные дети ходили в воскресную школу, а я летала в экологический лагерь. Обычные девочки учили наизусть десять заповедей, а я – как сокращать свой углеродный след. В мастерской по обучению ремеслам аборигенов Фиджи (я не шучу) мы плели из сертифицированных, выращенных без удобрений, собранных без вреда для окружающей среды, а также проданных по справедливым ценам пальмовых волокон дешевые сувенирные бумажники, которые все равно потом выбрасывались. Экологический лагерь обходился нашим родителям в миллион

долларов, но нас заставляли подтирать задницы грязной бамбуковой туалетной палочкой. Ну а вместо Рождества у нас был День Земли.

Если есть ад, говорила моя мама, туда попадают за то, что носят шубы из натурального меха или пользуются косметическим молочком, испытанным на крольчатах нацистскими учеными, сбежавшими во Францию. Если есть дьявол, говорил мой отец, то это Энн Коултер. Если есть смертный грех, говорила мама, так это производство стирофома. Такие догмы они мне вкладывали в голову, раздевшись догола, но не закрыв шторы – это чтобы я не выросла мисс Сукки ван дер Сукк.

Иногда они называли дьяволом табачные концерны. Иногда – японских рыболовов.

Самое ужасное, что в экологический лагерь мы не приплывали на сампанах, влекомых течением Тихого океана. Нет, каждого воспитанника привозили туда на частном самолете, сжигающем миллиарды литров динозаврового сока, которого на нашей планете уже не образуется; каждого снабжали едой, равной по массе его собственному весу – органическими фиговыми батончиками и йогуртовыми завтраками, произведенными по принципам свободной торговли, зато завернутыми в одноразовую майларовую пленку, которая не разлагается НИКОГДА. А теперь представьте: весь этот груз тоскующих по дому детей, калорий и игровых приставок несется на Фиджи **БЫСТРЕЕ СКОРОСТИ ЗВУКА**.

И что это мне дало? Посмотрите на меня: умерла от передоза марихуаны, скатилась в ад и теперь расчесываю себе щеки до крови, пытаюсь убедить соседку по клетке, что страдаю псориазом. А вокруг валяется миллион миллионов кусков поп-корна. Правда, есть и плюсы: в аду ты больше не раб своего тела, и для некоторых чистоплюев это хорошая новость. Как бы объяснить попрличней... Больше нет надобности в постоянной скучной кормежке, а также прочистке и опорожнении разных дырок, необходимых для поддержания физического тела в функциональном состоянии. Если вы окажетесь в аду, в вашей клетке не будет ни туалета, ни воды, ни постели, но нехватки их вы не ощутите. В аду никто не спит, разве только вам не захочется свернуться калачиком, чтобы не смотреть еще раз «Английского пациента».

Конечно, мои родители действовали из лучших побуждений, но, согласитесь, сложно спорить с тем фактом, что я заперта в ржавой железной клетке с видом на бурный водопад экскрементов – я говорю о настоящем дерьме, а не только об «Английском пациенте». Впрочем, я не жалуюсь. Уверяю вас, меньше всего в аду нужен еще один жалобщик. Вот уж как в Ньюкасл со своим углем ездить.

Да, я знаю слово «экскременты». Я сижу в клетке, мне скучно, но мозг у меня еще при себе.

Между прочим, именно папа с мамой посоветовали мне высвободить напряжение и поэкспериментировать с легкими наркотиками.

Да, так нечестно, но худшее, чему они меня научили, – это надежда. Если ты сажаешь деревья и собираешь мусор, говорили они, то все будет хорошо. Только не забывай делать компост из своих пищевых отходов и покрывать крышу солнечными батареями, и тебе не о чем будет беспокоиться. Возобновляемая энергия ветра, биодизель, киты – вот что должно было стать нашим духовным спасением. Когда мы видели квинтиллион католиков, бросающихся благовониями в гипсовую статую, или миллиард миллиардов мусульман, которые шеренгой вставали на колени лицом к Нью-Йорку, мой отец говорил:

– Что за темный народ! Бедняги...

Ну ладно, пусть мои родители все из себя такие светские гуманисты, пусть они рискуют своими бессмертными душами. Но зачем было рисковать моей? Они делали ставки с полной уверенностью в собственной правоте – а проиграла я.

По телевизору иногда показывали баптистов, которые машут куклами, насаженными на палки и залитыми кетчупом, перед клиникой какого-нибудь врача. Так и вправду можно поверить, что религии мира совсем одурели. Мой отец, с другой стороны, проповедовал, что если

я буду есть достаточно клетчатки и сдавать на вторсырье пластиковые бутылки, то со мной все будет в порядке. А мама, если я спрашивала про рай или ад, давала мне таблетку ксанакса.

Вот только теперь – сюрприз! – я жду, когда демоны выдернут мне язык и поджарят с беконом и чесноком. Или начнут тушить у меня под мышками сигареты.

Поймите меня правильно. Ад не так ужасен, особенно по сравнению с экологическим лагерем и тем более со средней школой. Можете считать меня циником, но мало что сравнится с восковой депиляцией или пирсингом пупка в супермаркете. Или с булимией. Хотя я не похожа на всяких анорексичных мисс Стерв фон Стервски.

Больше всего меня беспокоит надежда. В аду надежда – это очень-очень плохая привычка, вроде курения или обгрызания ногтей.

Надежда – это жесткий и приставучий репей, который нужно от себя отодрать. Это пагубная страсть, от которой надо избавиться.

Да, я знаю слово «пагубный». Мне тринадцать, я разочаровалась во всем и страдаю от одиночества, но я не тупица.

Как бы сильно я ни пыталась задушить в себе надежду, я еще мечтаю, что у меня будет первая менструация. Я хочу такую же большую грудь, как у Бабетт из соседней клетки. Или найти в кармане юбки-шортов ксанакс. Я скрещиваю пальцы: а вдруг какой-нибудь демон бросит меня в котел кипящей лавы, и я окажусь голой рядом с Ривером Фениксом, и он скажет, что я хорошенькая, и захочет меня поцеловать?

Проблема в том, что в аду надежды нет.

Так что я собой представляю? Как сказать это в тысяче слов – понятия не имею. Знаю только, что сначала надо оставить надежду. Пожалуйста, Сатана, помоги мне! И я буду очень-очень счастлива. Пожалуйста, помоги мне отказаться от пристрастия к надежде! Спасибо...

IV

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Сегодня мне показалось, что я тебя видела. Как обезумевшая фанатка, я махала руками, пытаясь привлечь твое внимание.

Ад демонстрирует мне все новые захватывающие стороны, и я даже начала немножко изучать демонологию, чтобы не вечно казаться идиоткой. Если честно, и скучать-то по дому некогда.

А сегодня я познакомилась с мальчиком, у которого шикарные карие глаза.

Строго говоря, время в аду не делится на дни и ночи. Тут постоянное приглушенное освещение с акцентами: мерцающее оранжевое пламя, пушистые белые облака пара и черные тучи дыма. Совсем как на лыжном курорте.

Слава Богу, на мне были самозаводящиеся наручные часы с календарем. Ой, Сатана, извини, я сказала слово на букву «Б»!

А вам, живым, кто ходит по земле, пьет мультивитамины, исповедует лютеранство или делает себе колоноскопию, – всем вам советую потратиться на качественные, надежные часы с функцией дня и даты. Не рассчитывайте, что в аду будет ловить ваш мобильник, не надейтесь, что предусмотрительно скончаесть с зарядкой в руке или что в вашей ржавой клетке окажется совместимая розетка. Учтите, что надежные – это не «Свотч». «Свотчи» из пластика, а пластик в аду плавится. Не мучьте себя, вложите деньги в качественный кожаный браслет или эластичный металлический.

Если вы все-таки пренебрежете моим советом и не вооружитесь адекватным часовым прибором, НЕ НАДО выискивать какую-нибудь умную, энергичную тринадцатилетнюю девочку-толстушку в мокасинах, не надо постоянно ее спрашивать: «Какой сегодня день?» и «Сколько времени?». Эта вышеупомянутая умная-но-толстая девочка просто симитирует консультацию с часами, а потом скажет: «В последний раз ты спрашивала меня пять тысяч лет назад».

Да, я знаю слово «симитировать». Может, я немного раздражена и огрызаюсь, но – просите сколько угодно, хоть слезами залейтесь – я вам не юная раба для объявления времени.

Кстати, прежде чем отпускать ехидные комментарии по поводу моего душевного состояния, вроде «села на ватного коника» или «страдает от красных дней в календаре», постарайтесь вспомнить, что я мертвая и скончалась до полового созревания, а следовательно, надо мной не властны бездумные биологические императивы, которые наверняка определяют каждый миг вашей вонючей, сопящей и вибрирующей репродуктивной жизни.

До сих пор слышу, как могла бы сказать моя мать: «Мэдисон, ты покойница, так успокойся».

А еще никак не пойму, к чему же у меня сильнее пристрастие: к надежде или к ксанаксу.

В соседней клетке Бабетт убивает время, рассматривая свои кутикулы и полируя ногти о лямку белой сумки. Всякий раз, когда она косится в мою сторону, я принимаюсь старательно расчесывать шею и скулы. Почему-то Бабетт не приходит в голову, что мы мертвы, и заболевания вроде псориаза вряд ли перенесутся в послежизнь. Однако морозно-белый лак на ее ногтях подтверждает: Бабетт никто бы не назвал кандидаткой на стипендию для одаренных. Девушкой с обложки – возможно.

Поймав мой взгляд, Бабетт кричит:

– Какой сегодня день?

Почесавшись, я кричу в ответ:

– Четверг!

Вообще-то я не трогаю ногтями кожу, а скребу воздух. Иначе мое лицо быстро превратилось бы в сырую котлету. Не хватало мне еще инфекции в этой антисанитарии.

Сощутив глаза и глядя на свои лунки, Бабетт говорит:

– Обожаю четверги... – Она выуживает из своей поддельной сумки «Коуч» бутылочку белого лака. – Четверг по ощущению как пятница, но никто не заставляет тебя куда-то идти и веселиться. Это как канун кануна Рождества, двадцать третье декабря... – Бабетт трясет бутылочку. – Четверг – это как очень-очень хорошее второе свидание, когда еще думаешь, что секс может оказаться неплохим...

Из соседней клетки доносится крик. Вокруг все ссутулилось в кататоническом ступоре, щеголяют лохмотьями венецианских дождей, наполеоновских маркитантов, охотников за головами маори. Вот они явно избавились от надежды: когда-то расшатывали железные прутья, сучили руками и ногами, а теперь лежат грязные, тупо уставившись в одну точку, и не двигаются. Везунчики, чтоб их.

Бабетт принимается красить ногти.

– Ну а теперь какой день?

На моих часах четверг.

– Пятница, – вру я.

– Сегодня у тебя кожа выглядит получше, – врет Бабетт в ответ.

Я парирую ответной ложью:

– У тебя очень приятные духи.

Бабетт отбивается:

– Мне кажется, у тебя немного выросла грудь!

И вдруг именно в этот момент мне показалось, что я вижу тебя, Сатана. Из темноты выступила огромная, как башня, фигура, и двинулась вдоль дальнего ряда клеток. Она раза в три выше любого, кто скорчился за прутьями, и волочит за собой раздвоенный хвост. Шкура удивительного существа сияет рыбьей чешуей, между лопатками растут огромные черные крылья – из настоящей кожи, не то что потертые «маноло бланики» Бабетт. Чешуйчатый лысый череп увенчан массивными рогами.

Должно быть, это нарушение адского протокола, но я не могу упустить такую возможность. Я поднимаю руку, машу изо всех сил, словно подзываю такси, и кричу:

– Эй! Мистер Сатана! Это я, Мэдисон!

Рогатое существо останавливается перед клеткой, где ежится смертный в истрепанной, замызганной форме какой-то футбольной команды. Зазубренными орлиными когтями, которые у него вместо рук, рогатый отпирает засов на клетке, тянется внутрь и пытается ухватить мужчину. Тот изо всех сил пытается увернуться.

Я продолжаю махать и кричать:

– Эй, сюда! Посмотрите сюда!

Я просто хочу поздороваться, представиться. Из вежливости.

Наконец один коготь зацепляет тяжело дышащего футболиста и вытаскивает его из железной клетки. Пленники в клетках вокруг кричат, пытаются отпрянуть как можно дальше; каждый корчится и дрожит в самом дальнем углу, вытаращив глаза. Их крики звучат хрипло и надрывно. Как вы расчлняете вареного краба, этот рогатый выкручивает у футболиста ногу. Все крутит и крутит, так что хрустит бедренный сустав, рвутся сухожилия, пока нога не отрывается от туловища. То же рогатый повторяет с остальными конечностями и подносит каждую ко рту, полному акулиных зубов, впивается в мясистую накачанную плоть на костях мужчины.

Все это время я продолжаю кричать:

– Да послушайте! Мистер Сатана, когда у вас найдется минутка...

Я не в курсе, какие тут правила этикета.

Употребив в пищу все конечности, рогатый бросает кости обратно в клетку футболиста. Посасывание, причмокивание и жевание громче криков заключенных; отрыжка звучит как гром.

Когда от футболиста остается только костлявая грудная клетка, совсем как от индейки на День благодарения, одни белые ребра и лоскутья кожи, рогатый бросает его останки обратно и снова запирает дверь.

Настала тишина. Только я скачу как безумная, машу руками над головой и кричу. Стараюсь все-таки не касаться грязнящих прутьев, но кричу:

– Эй!!! Тут Мэдисон! – Я поднимаю грязный шарик из поп-корна и швыряю ему вслед. – Я до смерти хочу с вами познакомиться!

Разбросанные окровавленные кости футболиста уже собираются, сползаются в человека, обрастают мышцами и кожей, и теперь смертного можно пытаться снова и снова, до бесконечности.

Явно утолив голод, рогатый разворачивается, чтобы уйти.

Я захожусь отчаянным криком. Нет, так нечестно! Я уже вам говорила, что кричать в аду – очень дурной вкус. Это совершенно неуместно. И все-таки я кричу:

– Мистер Сатана!

Огромное хвостатое чудовище уходит.

Бабетт спрашивает:

– Какой сейчас день?

Если уж жизнь в аду можно с чем-то сравнить, так это со старыми мультфильмами компании «Уорнер Бразерс», где героев постоянно обезглавливают гильотинами и взрывают динамитными шашками, но к следующему покушению они снова целы и невредимы. Удобная система, хоть и несколько монотонная.

Чей-то голос произносит:

– Это не Сатана.

Из клетки с другой стороны говорит какой-то мальчик-подросток:

– Это был просто Ариман, демон из иранской пустыни.

На мальчике рубашка с короткими рукавами, заправленная в брюки-хаки, и большие часы подводника с функциями хронографа и калькулятора. На ногах у него удобные спортивные ботинки «Хаш Папис», а брюки подвернуты так коротко, что видны белые спортивные носки. Закатив глаза и покачав головой, мальчик говорит:

– Как можно ни фиги не смыслить в древней межкультурной теологической антропологии?

Бабетт садится на корточки и принимается начищать свои дешевые туфли слюной и очередной салфеткой.

– Заткнись, зануда, – бормочет она.

– Ну да, это я протупила, – говорю я мальчику и тычу в себя пальцем. Ужасно глупый жест, даже в духоте ада я заливаюсь краской. – Меня зовут Мэдисон.

– Я в курсе, – отвечает мальчик. – У меня есть уши.

Под взглядом его карих глаз внутри моего жирного тела вспухает ужасный, отвратительный пузырь надежды.

Ариман, объясняет мальчик, всего лишь низвергнутое божество Древней Персии. Ариман был братом-близнецом Ормузда и сыном Зурвана, творца мира. В культуре древних персов Ариман отвечает за яды, засуху, голод, скорпионов и прочие пустынные пакости. У него тоже есть сын, которого зовут Зохак, и из плеч у сына растут ядовитые змеи, которые питаются, по словам мальчика, только человеческими мозгами. Короче... Типичная мрачнуха для мальчишек. «Подземелья и драконы» какие-то.

Бабетт полирует ногти о ремень сумки, на нас не смотрит.

Мальчик кивает в сторону, куда исчезла рогатая фигура, и говорит:

– Обычно он тусуется на дальнем берегу Пруда Рвоты, что на запад от Реки Кипящей Слюны за Озером Дерьма. – Пожимает плечами и добавляет: – Для гуля довольно прогрессивен.

Бабетт тонким голосочком вставляет:

– Ариман и меня однажды...

Заметив, какое выражение появилось на лице мальчика и как встопорщились его брюки, Бабетт возмущается:

– Съел, а не то, что ты подумал, мерзкий маленький извращенец!

Да, может, я мертвая и страдаю огромнейшим комплексом неполноценности, но и я могу издали распознать эрекцию.

Зловонный воздух между нами кишит жирными черными мухами.

Я спрашиваю мальчика:

– Как тебя зовут?

– Леонард.

– За что тебя низвергли в ад?

– За онанизм! – вставляет Бабетт.

– Переходил дорогу в неположенном месте, – отвечает Леонард.

Я спрашиваю:

– Ты любишь «Клуб “Завтрак”»?

– Чего-чего?

– А как ты думаешь, я хорошенькая?

Шикарные карие глаза мальчика Леонарда летают по мне, садятся, как осы, на мои полные ноги, на глаза за толстыми стеклами, на крючковатый нос и плоскую грудь. Потом косятся на Бабетт. Потом снова смотрят на меня; брови подскакивают к линии волос, собирают лоб в гармошку. Леонард улыбается и отрицательно качает головой.

– Просто уточнила. – Я скрываю улыбку, притворяясь, что расчесываю на щеке несуществующую экзему.

V

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Сначала было непросто, но теперь я отлично провожу время и нахожу новых друзей. Ты уж прости меня за ошибку... Надо же: взять и перепутать тебя с каким-то обычным, ничем не примечательным демоном! От Леонарда я постоянно узнаю что-то интересное. А еще я изобрела суперзамечательный способ преодолеть свое пагубное пристрастие к надежде.

Кто бы мог подумать, что межкультурная антропологическая теология настолько занимательна! По словам Леонарда (у него действительно очаровательнейшие карие глаза), все демоны ада в более древних культурах когда-то играли роль богов.

Да, так нечестно, но кто одному бог, тот другому дьявол. Когда власть захватывала очередная цивилизация, она первым делом низвергала и демонизировала всех, кого обожествляла предыдущая. Евреи осудили Велиала, бога вавилонян. Христиане изгнали Пана, Локи и Марса, божеств древних греков, кельтов⁵ и римлян соответственно. Англиканы запретили веру австралийских аборигенов в духов мими. Сатану до сих пор изображают с раздвоенными копытами, как у Пана, и с трезубцем, как у Нептуна. Каждое предыдущее божество переселяли в ад, и богам, привыкшим к постоянным подношениям, любви и поклонению, такое изменение статуса, конечно, портило настроение.

О боги, конечно, я знала слово «низвергнуть» еще до того, как оно слетело с губ Леонарда! Может, мне тринадцать и в подземном мире я новичок, но не надо считать меня идиоткой.

– Нашего приятеля Аримана изгнали из пантеона еще дозораострийские иранцы, – говорит Леонард и грозит мне указательным пальцем. – Главное, не поддавайся искушению объявить эссеиство иудаическим воплощением маздаизма. – Леонард качает головой. – Все, что связано с Набопаласаром Вторым и Увахшатрой, очень неоднозначно.

Бабетт смотрит на компактные тени, которые держит раскрытыми, и подрисовывает себе глаза маленькой кисточкой. Отрываясь от своего отражения в крошечном зеркальце, Бабетт говорит Леонарду:

– А еще скучнее ты быть не можешь?

В эпоху раннего католицизма, говорит он, церковь обнаружила, что монотеизм не в состоянии заменить давно укоренившееся многобожие, пусть даже оно устарело и считается языческим. Священники, отправляющие службы, слишком привыкли обращаться к отдельным божествам, и поэтому церковь учредила святых, каждый из которых соответствовал более древнему божеству и символизировал любовь, успех, выздоровление от болезни и так далее.

Кипели сражения, возрождались и умирали царства, и Аримана сместил Сраоша, а Митра пришел на смену Вишну. Зороастр вытеснил Митру; каждый следующий бог отправлял предыдущего в забвение.

– Даже слово «демон», – продолжает Леонард, – придумали христианские теологи, неверно истолковавшие слово «даймон» в произведениях Сократа. Когда-то оно означало «муза» или «вдохновение», а чаще всего – «бог».

Леонард добавляет, что если человечество просуществует достаточно долго, когда-нибудь даже Иисус будет мрачно слоняться по Аиду, изгнанный и вычеркнутый из жизни.

– Бред сивой кобылы! – кричит мужской голос из клетки футболиста. Там его обглоданные кости покрываются пеной красных корпускул, красные пузыри сбегаются, образуя мышцы,

---

⁵ Так у автора. – Примеч. пер.

которые набухают и растягиваются, соединяясь с сухожилиями, заплетаются белыми связками – процесс, одновременно притягательный и отвратительный. Еще до того, как череп полностью затянуло слоем кожи, челюсть опускается, чтобы изо рта исходили звуки.

– Все бред, зануда ты собачий! – Новая кожа розовой волной вспухает над зубами, образует губы, которые говорят: – Давай, грузи дальше, мелочь пузатая! Потому ты тут и сидишь.

Не отрываясь от собственного отражения, Бабетт спрашивает:

– А ты за что сюда загремел?

– За офсайды, – кричит в ответ футболист.

Леонард кричит ему:

– Так почему я тут сижу?

Я спрашиваю:

– А что такое офсайды?

Из черепа футболиста вырастают волосы. Вьющиеся, медно-рыжие. В каждой глазнице надувается по серому глазу. Даже спортивная форма целиком сплетается из обрывков и ниточек, разбросанных по полу камеры. На спине футболки возникает большой номер «54» и фамилия «Паттерсон».

Футболист отвечает мне:

– Я заступил за линию схватки, когда рефери просигналил начало игры. Это называется «офсайд».

– И что, это тоже есть в Библии? – хмыкаю я.

Теперь, когда все его волосы и кожа на месте, видно, что футболист просто старшекласник. Ему шестнадцать или, может, семнадцать. Пока он говорит, между зубами у него просовываются серебряные проволочки, и во рту образуются брекеты.

– За две минуты до второй четверти я перехватил подачу, полузащитник меня круто заблокировал – трах! Вот я и тут.

Леонард снова кричит:

– Но я-то почему тут сижу?

– Потому что ты не веришь в одного истинного Бога, – говорит Паттерсон-футболист. Теперь, когда он снова целый, его свежевыросшие глаза постоянно косятся на Бабетт.

Та не отрывается от зеркала, но то и дело корчит рожицы, поджигает губы, встряхивает головой, быстро-быстро моргает ресницами. Как сказала бы вам моя мама: «Люди не стоят так прямо, если их не снимают». В смысле, Бабетт наслаждается вниманием.

Да, так нечестно. И Паттерсон, и Леонард из своих клеток пялятся на Бабетт, которая заперта в своей. И никто не видит меня. Если бы я хотела, чтобы меня игнорировали, я бы осталась на земле в виде призрака и смотрела бы, как мама с папой ходят голышом, открывала бы шторы и устраивала сквозняки, пытаюсь заставить их одеться. Даже демон Ариман, который разорвет меня на куски и съест, лучше, чем полное отсутствие внимания.

Ну вот, опять! Никак не проходит эта болезненная склонность к надежде. Моя пагубная привычка.

Пока Паттерсон и Леонард пялятся на Бабетт, а Бабетт – на себя, я притворяюсь, что смотрю на летучих мышей. Я люблюсь приливами и отливами бурых волн на Озере Дерьма. Я делаю вид, что расчесываю мнимый псориаз у себя на лице. В соседних клетках скорчились грешники, рыдают по привычке. Какая-то проклятая душа в нацистской форме снова и снова разбивает себе лицо о каменный пол клетки, расквашивает и сминает нос и лоб, словно крутое яйцо о тарелку. В промежутке между ударами сломанный нос и все лицо снова принимают нормальную форму. В другой клетке стоит парень-подросток в черной кожаной куртке, с огромной булавкой в щеке и с бритой головой – если не считать полосы волос, выкрашенной в синий и намазанной гелем, чтобы стояла колючим гребнем от самого лба до затылка. Я смотрю, как панк подносит руку к щеке и раскрывает булавку. Он вытаскивает ее из дырок в

коже, просовывает руку между прутьями и тыкает кончиком острия в замок на двери своей клетки, шевелит им внутри скважины.

Все еще любуясь собой в зеркальце, Бабетт спрашивает, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Какой сегодня день?

Леонард тут же сгибает руку и смотрит на свой морской хронограф.

– Четверг. Пятнадцать ноль девять. – Через секунду добавляет: – Стоп, нет... Уже пятнадцать десять.

Неподалеку, не далеко и не близко, огромный великан со львиной головой, лохматой черной шерстью и кошачьими когтями вытаскивает из клетки вопящего, дрыгающего руками и ногами грешника. Жертва повисает на собственных волосах. Как вы бы ошпыляли губами виноградины с грозди, демон смыкает губы на ноге человека. Мохнатые львиные щеки демона делаются впалыми, и крики грешника становятся громче, потому что его мясо отсасывают прямо с живой кости. Превратив одну конечность в жалобно обвисшую палку, демон принимается снимать мясо со второй.

Несмотря на весь этот шум, Леонард и Паттерсон продолжают глазеть на Бабетт, которая любит себя сама собой. Ледниковый период тупости.

С приглушенным звяканьем панк в кожаной куртке прокручивает кончик булавки в сторону, и механизм замка на двери его клетки срабатывает. Он достает булавку, вытирает слизь и ржавчину о джинсы и снова продевает сквозь щеку. Потом распахивает дверь и выходит. Его ирокез такой высокий, что синие волосы задевают проем.

Вразвалочку двигаясь вдоль ряда клеток, панк с синим ирокезом заглядывает в каждую. В одной лежит египетский фараон или кто-то в этом роде, человек, который отправился в ад за то, что молился не тому богу. Несчастный съезился на полу, болтает бессмыслицу и пускает слюни. Его рука вытянута к прутьям, а на пальце блестит большой бриллиантовый перстень. Бриллиант в районе четырех каратов, степень D, не какой-то там кубический цирконий, как в дешевых сережках Бабетт. Перед этой клеткой панк останавливается и наклоняется. Просунув руку через прутья, он снимает кольцо с иссохшего пальца и кладет в свою мотоциклетную куртку. Встав, он ловит мой взгляд и медленно направляется в мою сторону.

На нем черные мотоциклетные ботинки – кстати, отличный выбор обуви для Аида. Один ботинок у щиколотки перевязан велосипедной цепью, второй – скрученной в узлы грязной красной банданой. Его бледный подбородок и лоб испещряют красные точки прыщей, контрастирующие с ярко-зелеными глазами. Вразвалочку подойдя еще ближе, парень с ирокезом сует руку в карман куртки и что-то оттуда достает.

– Лови!

Он размахивается, бросает предмет, который вспыхивает длинной, высокой аркой, пролетает сквозь прутья клетки и падает туда, где смыкаются мои ладони.

Играя роль настоящей мисс Стервы Стервович, Бабетт продолжает игнорировать Паттерсона и Леонарда, но держит тени под таким углом, чтобы шпионить за панком. Она рассматривает его так внимательно, что когда брошенный предмет блестит, яркая вспышка отражается от зеркальца ей прямо в глаза.

– Что такая милашка, как ты, – спрашивает меня парень с ирокезом, – здесь потеряла?

Когда он говорит, булавка в его щеке дергается, вспыхивает оранжевым. Он вразвалочку подходит к прутьям моей клетки и подмигивает мне зеленым глазом, хотя смотрит на Бабетт. Он явно трогал грязные прутья, а потом еще и свое лицо, джинсы, ботинки – измазался грязью с головы до ног.

Да, так нечестно, но некоторые в грязи ухитряются выглядеть еще сексуальнее.

– Меня зовут Мэдисон, – говорю ему я, – и я надеждоголик.

Да, я знаю слово «манипуляция». Может, я и мертвая, и сижу в клетке, и слишком интересуюсь мальчиками, но меня все равно используют, чтобы вызвать ревность другой. Еще теплый, у меня в ладони лежит краденый бриллиантовый перстень. Мой первый подарок от парня.

Парень с ирокезом вытаскивает огромную булавку из щеки, вставляет острие в замочную скважину и начинает вскрывать мой замок.

VI

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Как я понимаю, членство в аду дает доступ к миллионам и миллиардам знаменитостей высшего ранга... Вот уж кого я совершенно не жажду увидеть, так это своего покойного дедулю, давно усопшего Папчика Бена. Долгая история. И вообще, считай меня любопытным подростком, но я не могу устоять перед искушением и не сбежать из клетки. Очень уж хочется посмотреть, как тут все устроено!

Избавьте меня от любительских диагнозов: я действительно надеюсь понравиться дьяволу. Не забудьте также про мое пристрастие к некоему слову на букву «Н». Если я сижу здесь, взаперти в склизкой клетке, очевидно, что Бог от меня не в восторге. Мои родители сейчас явно вне досягаемости, как и любимые учителя или диетологи – короче, все авторитеты, которым я старалась угодить последние тринадцать лет. Так что ничего удивительного, если я перенесла все свои незрелые потребности во внимании и привязанности на единственного взрослого, способного создать в моем мозгу родительский образ: Сатану.

Рядом со словом на букву «Н» все еще держится слово на букву «Б», доказательство моего стойкого пристрастия ко всему радостному и оптимистичному. Честно говоря, все мои усилия не запачкаться, следить за осанкой, изображать энергичность и веселую улыбку – все рассчитано на то, чтобы понравиться Сатане. Я представляю себе, что при наилучшем раскладе займу роль этакого комического спутника: задиристой и нахальной толстушки, которая ходит по пятам за Отцом Лжи, отпускает остроумные шуточки и подпирает его кренящееся эго. Моя задиристость въелась так глубоко, что даже принц тьмы не сможет со мной предаваться унынию. Я прямо-таки ходячая таблетка золота. Возможно, потому Сатаны пока не видно: прежде чем представиться, он ждет, пока моя энергия хоть немного иссякнет.

Да, я тоже не чужда популярной психологии. Может, я и покойница, которая пышет энергией, но вполне отдаю себе отчет, что при первой встрече могу показаться настоящей маньячкой.

Даже мой собственный отец сказал бы вам: «Эта девчонка просто дервиш какой-то!»

В смысле, я людей утомляю.

Поэтому, когда панк с синим ирокезом отпирает мою дверь и та повисает на скрипучих проржавевших петлях, я отступаю в глубину клетки, вместо того чтобы устремиться вперед, к свободе. Хотя панк только что бросил мне бриллиантовый перстень, который теперь красуется на среднем пальце моей правой руки, я еще сопротивляюсь жажде странствий. Я спрашиваю парня, как его зовут.

– Меня? – переспрашивает он, протыкая щеку своей огромной булавкой. – Зови меня просто Арчер.

Не торопясь выходить из клетки, я продолжаю допрос:

– И за что ты тут?

– Я? Я пошел и взял у своего старика «калаш»... – Он опускается на колени, приставляет к плечу невидимый автомат. – И вынес мозги обоим предкам. А потом убил младшего братишку и сестренку. И бабушку. И нашу колли по кличке Лэсси... – В качестве знаков препинания Арчер давит на невидимый крючок, глядя вдоль фантомного ствола. С каждым спуском курка его плечо отдергивается назад, синие волосы вздрагивают. Все еще глядя в невидимый прицел, Арчер говорит:

– Потом я смыл свой риталин в унитаз, поехал в школу на тачке предков и вынес футбольную команду и троих учителей – все они сдохли, сдохли, сдохли!

Он встает, подносит невидимое дуло ко рту, собирает губы трубочкой и сдувает невидимый дымок.

– Бред собачий! – кричит голос Паттерсона, футболиста, уже совсем сложившегося в подростка с рыжими волосами, серыми глазами и большим номером пятьдесят четыре на футболке. В одной руке у него шлем. По каменному полу клетки стучат острые стальные шипы его бутс.

– Полная лажа. – Паттерсон качает головой. – Я видел твоё дело, когда тебя сюда сослали. Там написано, что ты просто магазинный воришка.

Леонард-зануда хихикает.

Арчер хватается с земли твердый, как камень, поп-корновый шарик и посылает его низкой подачей в ухо Леонарду.

Повсюду разлетаются крошки поп-корна и несколько ручек из кармана Леонарда. Тот замолкает.

– Представляете, – продолжает Паттерсон, – в деле нашего Великого Серийного Убийцы написано, что он пытался украсть буханку хлеба и пачку памперсов.

Бабетт отрывается от зеркала:

– Памперсов?

Арчер подходит к клетке Паттерсона, просовывает подбородок между прутьями и рычит сквозь стиснутые зубы:

– Заткнись, бандаж мошоновый!

Бабетт спрашивает:

– У тебя есть ребенок?

Арчер поворачивается к ней:

– Заткнись!

– Возвращайся к себе в клетку, – кричит Леонард, – пока нам всем не попало!

– Чего? – Арчер лениво подходит, снова вынимая булавку из щеки, и начинает вскрывать замок на двери Леонарда. – Боишься, что это внесут тебе в личное дело, мелюзга? – Отпирает замок. – Боишься, что тебя не возьмут в Лигу Плюща? – И с этими словами он распахивает дверь.

Леонард хватается за дверь и снова закрывает ее.

– Не надо!

Дверь не заперта и снова распахивается. Леонард удерживает ее и говорит:

– Запри скорей, а то сейчас придет какой-нибудь демон...

Синяя голова Арчера уже приближается к клетке Бабетт.

– Эй, милашка, я покажу тебе такое симпатное место с видом на Море Насекомых, что ты описаешься от счастья!

Он начинает вскрывать ее замок.

Леонард держится за прутья своей клетки.

Моя распахнутая дверь висит на петлях. Я сжимаю в кулаке бриллиантовый перстень.

Паттерсон кричит:

– Лузер, ты даже Озеро Дерьма не перейдешь!

Распахивая дверь Бабетт, Арчер отзывается:

– Тогда айда с нами, Мошонка! Покажешь!

Бабетт кладет косметику обратно в свою поддельную сумку и говорит:

– Ну давай... Если не струсил.

Она приподнимает и без того короткую юбку, будто подол мог бы запачкаться об пол. Показывая свои ноги практически до трусов, эта мисс Прости Проститутсон выходит из открытой клетки и осторожно шагает поддельными «маноло бланиками».

Леонард наклоняется, чтобы собрать рассыпавшиеся ручки. Вытряхивает из волос комочки липкого поп-корна.

Арчер подходит к клетке Паттерсона. Держит булавку за прутьями, так, чтобы тот не дотянулся, дразнит его:

– Ну что, пойдешь гулять?

Чтобы привлечь внимание Леонарда, я пытаюсь противопоставить современную психологическую коррективку поведения простым старомодным экзорцизмам. Сегодня, если бы любая из моих живых подруг сидела бы весь день у себя в комнате и вызывала рвоту, диагноз был бы «булимия». Вместо того чтобы пригласить священника, который поговорит с девочкой о ее поведении, выразит любовь и заботу и изгонит из нее демона, современные семьи обращаются к психологу. А ведь еще в семидесятых на девочек с расстройствами питания брызгали святой водой.

Моя надежда поистине не знает границ. Но Леонард – елки-палки! – не слушает.

Тем временем Арчер освободил Паттерсона, Бабетт присоединилась к ним, и трое уже направились куда-то прогулочным шагом среди криков и роя черных мух. Паттерсон предлагает Бабетт руку, чтобы той было легче идти на каблуках. Арчер презрительно ухмыляется, хотя, возможно, дело в булавке, проколовшей его щеку.

Я продолжаю говорить, раскрывать собственную теорию пристрастия к ксанаксу как следствия демонической одержимости. А Леонард, мальчик с дивными карими глазами, распахивает свою клетку и бежит за остальными. Мой недавно обретенный друг в аду Леонард карабкается по старым желатинкам и дымящемуся углю. Вертит головой, высматривая демонов, которые могут появиться в любой момент, и кричит:

– Стойте! Подождите!

И догоняет тающий синий ирокез.

Вся четверка почти пропала из виду, съежилась до точек, смело чернеющих на фоне пузырящегося дерьма и растоптанных сладостей. Я выхожу из клетки и делаю первые робкие шаги вслед за ними.

VII

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Словно туристическая группа, мы отправились на прогулку по аду: изучаем общую топографию, любуемся достопримечательностями. Правда, одно событие вынудило меня сделать небольшое признание.

Наша компания обошла по краю жирную чешуйчатую Пустыню Перхоти, где ветер, жаркий, как миллиард фенов, сдувает частички отмершей кожи в барханы высотой с Маттерхорн. Потом мы миновали Долину Битого Стекла и, изрядно устав, вышли на утес из вулканического угля, нависающий над огромным бледным океаном, который простирался до самого горизонта. Опалесцирующую поверхность океана не портили ни волны, ни круги. Океан был цвета грязной слоновой кости, почти как потертые «маноло бланики» Бабетт.

Прямо на наших глазах вязкая грязно-белая слизь поднимается и покрывает еще пару сантиметров пепельно-угольного пляжа. Эта мерзкая жидкость такая густая, что будто накапывает на берег, а не омывает его. Судя по всему, отлилов в этом океане никогда не бывает, тут всегда приливная волна.

– Зацените! – Арчер машет рукой в кожаном рукаве, описывая широкий полукруг. – Дамы и господа, позвольте представить вам Великий Океан Пролитой Спермы...

По словам Арчера, сюда стекает весь эякулят, извергнутый при мастурбации на протяжении всей истории человечества, начиная с самого Онана. Точно так же, добавляет он, в ад попадает вся кровь, которую проливают на земле. Все слезы. Каждый плевок в конце концов оказывается где-то тут.

– С тех пор как появились видеокассеты и Интернет, – говорит Арчер, – уровень океана поднимается с небывалой скоростью.

Вспоминаю о Папчике Бене и содрогаюсь. Повторяю: долгая история!

В аду земная порнография создает эффект, аналогичный глобальному потеплению на Земле.

Мы все отступаем назад, подальше от дрожащей, поблескивающей жижи.

– Теперь, когда эта мелюзга упокоилась, – Паттерсон дает Леонарду подзатыльник, – море спермы не будет наполняться так быстро!

Леонард трет себя по затылку и морщится:

– Паттерсон, лучше не смотри, но мне кажется, что во-он там плавает твой яичный белок.

Арчер смотрит на Бабетт, облизывает губы и говорит:

– Однажды мы погрузимся по самые уши в...

Бабетт смотрит на бриллиантовый перстень на моем пальце.

Арчер продолжает пялиться на Бабетт.

– Эй, Бабс, твои прелестные глазки еще никогда не были по уши в горячей сперме?

Развернувшись на одном битом каблуке, Бабетт говорит:

– Отвали, Сид Вишес! Я тебе не Нэнси Спанджен.⁶

Она машет нам рукой – за мной, мол – и блесит белыми ногтями. Смотрит на Паттерсона в его спортивной футболке и говорит:

– Твоя очередь! Теперь ты покажи нам что-нибудь интересное.

Паттерсон сглатывает, пожимает плечами.

– Хотите посмотреть на Болото Выкидышей?

---

⁶ Сид Вишес и Нэнси Спанджен (*англ.* Sid Vicious, Nancy Spungen) – знаменитая панковская пара. Сид – басист известной панк-группы «Секс Пистолз», Нэнси – гитари. Оба были наркоманами и рано погибли; Сиду подозревали в убийстве Нэнси, но он умер от передозировки героина до окончания судебного разбирательства.

Мы все качаем головами: нет. Медленно, долго и в унисон: нет, нет, нет. Ни в коем случае.

Бабетт уходит от Великого Океана Пролитой Спермы, Паттерсон рысью ее догоняет. Они пошли вместе под руку, капитан футбольной команды и главная чирлидерша. Мы – Леонард, Арчер и я – плетемся следом.

Если честно, я очень жалею, что мы идем молча. Ни о чем не треплемся. Да, я в курсе, что сожаление – тоже форма надежды, но ничего не могу с собой поделать. Мы движемся дальше, бредем по дымящимся залежам серы и угля, и я хочу спросить, не стыдно ли моим спутникам. Теперь, когда они умерли, не кажется ли им, что они разочаровали всех, кто когда-то их любил? Столько людей старались, чтобы вырастить их, прокормить и выучить – а теперь Арчер, Леонард или Бабетт совсем не расстроены, что подвели своих близких? Не думают, что смерть – самый страшный грех, какой они могли совершить? Не подозревают, что наша смерть причинила живым такую боль, которая не пройдет до конца жизни?

Умереть – хуже, чем провалить экзамен, чем попасть в полицию, чем сделать ребенка на выпускном. Мы облажались по-крупному, и ничего уже не исправить.

Все молчат, и я тоже.

Если бы вы спросили мою маму, она сказала бы вам, что я всегда боялась действовать. «Мэдисон, ты же покойница... Вечно ты чего-то ждешь от других».

Хотя по сравнению с моими родителями все выглядят трусами. Мои родители то и дело брали реактивный самолет и летали в Заир, чтобы привезти мне на Рождество очередного приемного братца или сестрицу (и не важно, что мы Рождество-то и не отмечали). Мои друзья находили под елкой щенка или котенка, а я – нового брата или сестру из какой-нибудь кошмарной бывшей колонии. У моих родителей были добрые намерения, но дорога в ад вымощена пиар-ходами. Любое усыновление случалось в течение медиа-цикла, когда выходили фильмы моей мамы или начиналось первичное размещение акций у папы. После ураганного шквала пресс-релизов и фотосессий моих новоиспеченных родственников помещали в соответствующий интернат. Мои мама и папа спасали их от голода, давали им образование и лучшее будущее, но за наш стол больше никогда не приглашали.

По дороге обратно через Долину Битого Стекла Леонард объясняет, что древние греки представляли послежизнь в виде Аида или Гадеса, где как развращенные, так и невинные души забывали свои грехи и свое прежнее «я». Евреи верили в Шеол, что в переводе означает «место ожидания», где все души, независимо от преступлений и благодеяний, отдыхали и обретали покой, оставляя позади свои прошлые прегрешения и привязанность к земле. Получается, ад обеспечивает детоксификацию и реабилитацию, а не огненную кару. На протяжении почти всей истории человечества, говорит Леонард, люди представляли себе ад чем-то вроде больницы, куда мы отправляемся, чтобы избавиться от привычки к жизни.

– В девятом веке Иоанн Скот Эриугена писал, что ад – место, куда тебя приводят желания, забравшие тебя у Бога. Именно эти желания не дают свершиться Божественному замыслу совершенства твоей души.

А может, все-таки пройдем мимо того Болота Выкидышей, предлагаю я. Высока вероятность, что я наткнулся на потерянного братишку или сестрицу.

Да, я даже из этого могу шутку сделать. А еще я в курсе механизмов психологической защиты.

Продолжая свою монотонную лекцию, Леонард рассказывает о структуре власти в Гадесе. В середине пятнадцатого века один австрийский еврей по имени Альфонс де Спина принял христианство, стал монахом-францисканцем, потом епископом, а в конце концов написал список демонических существ, населяющих ад. Их численность составила целые миллионы.

– Если увидите существо с козлиными рогами, женскими грудями и черными крыльями, как у огромного ворона, – говорит Леонард, – это демон Бафомет. – Отбивая пальцем такт, как дирижер, который указывает, когда вступать разным частям оркестра, Леонард продолжает: –

Есть иудейские шедим, есть греческие цари демонов Аваддон и Аполлион. Абигор командует шестьюдесятью легионами дьяволов. Алоцер – тридцатью шестью. Фурфур, князь ада, – двадцатью шестью легионами...

Как на земле правит целая иерархия, говорит Леонард, так в аду. Большинство теологов, включая Альфонса де Спина, считают, что в аду десять рангов демонов и шестьдесят шесть князей, каждый из которых управляет шестью тысячами шестьюстами шестьюдесятью шестью легионами, причем каждый легион состоит из шести тысяч шестисот шестидесяти шести демонов. Среди них Валафар, великий князь ада, Риммон, главный врачеватель, Укобах, ведущий техник, – последнему приписывают изобретение фейерверков, которые он принес в дар человечеству. Леонард скороговоркой выпаливает имена: Зебос крокодилоголовый... Кобал, покровитель комедиантов... Суккорбенот, демон ненависти...

– Это как «Подземелья и драконы», – говорит Леонард, – только в десять раз круче. Нет, серьезно! Лучшие мозги Средневековья всю жизнь посвятили этим теологическим подсчетам и копаниям.

Я качаю головой: жаль, что мои родители этим не занимались.

Периодически Леонард останавливается и указывает на какую-нибудь фигуру вдали. Вот силуэт парит в оранжевом небе, хлопая бледными крыльями из плавающего, капающего воска. Это Троян, русский ночной демон. По другой траектории летит, повернув вниз плоскую морду и светящиеся совиные глаза, Тлакатеколотль, мексиканский бог зла. А там, укутанные в смерчи из дождя и пыли, японские демоны-они, которые традиционно живут в сердце ураганов.

Для правителей мира предыдущих веков эта опись была как карта человеческого генома для современных ученых, объясняет Леонард.

Если верить епископу де Спина, в ад низвергли треть небесных ангелов, и это сокращение, эта божественная уборка заняла девять дней – на два дня больше, чем понадобилось Богу, чтобы создать землю. В общей сложности были насильственно переселены сто тридцать три миллиона триста шесть тысяч шестисот шестидесять восемь ангелов, включая таких весьма почитаемых херувимов, потентатов, серафимов и владык, как Азбеель и Гаап, Оза, Марут и Уракабарамель.

Впереди Бабетт идет под руку с Паттерсоном. Иногда она заливается смехом, громким, резким и таким же фальшивым, как ее туфли.

Арчер злобно смотрит им в спины, стиснув челюсти и играя желваками с булавкой.

Леонард все сыплет именами всяческих демонов, на которых мы можем наткнуться: Ваал, Вельзевул, Белиал, Либерейс, Дьяболос, Мара, Пазузу (ассириец с головой летучей мыши и хвостом скорпиона), Ламашту (шумерская дьяволица, которая одной грудью выкармливает свинью, а другой собаку) или Намтару (месопотамская версия нашего Мрачного Жнеца). Мы ищем Сатану не менее яростно, чем мои родители – Бога.

Мои родители вечно хотели, чтобы я расширяла сознание – нюхала клей или бензин, жевала пейотовые таблетки. Но если они отмотали свой срок, пробежали молодые годы по полям Вермонта и соляным пустошам Невады нагишом (не считая радужной раскраски на лицах и толстого слоя пота и грязи), с пятьюдесятью фунтами вонючих дредов на головах, обсиженные лобковыми вшами, и якобы достигли Просветления – это совсем не значит, что мне нужно повторять их ошибки.

Ой, прости, Сатана, я снова сказала слово на букву «Б».

Не замедляя шага, Леонард показывает мне бывшие божества умерших культур, отправленные в подземный мир. Сюда попали на бессрочное хранение Бенот, один из вавилонских богов; Дагон, идол филистимлян; Астарта, богиня сидонийцев; Тартак, бог хевитов.

Подозреваю, что мои родители так дорожат своими мрачными воспоминаниями о Вудстоке и Бернинг-Мэне совсем не потому, что годы сделали их мудрее. Просто все эти ошибки происходили в тот период жизни, когда они были молоды и не отягощены обязательствами;

у них было свободное время и мышечный тонус, а будущее казалось великим и прекрасным приключением. Более того, оба не занимали высокого положения в обществе, так что им было нечего терять, если они и бегали голыми, измазав себе грязью набухшие гениталии.

Итак, чуть не поджарив наркотиками свои собственные мозги, они утверждали, что я должна поступать так же. В школе я открывала коробку с обедом и видела там бутерброд с сыром, пачку яблочного сока, морковные палочки и пятисот-миллиграммовые таблетки оксикодона. В чулок на Рождество мне засовывали – не то чтобы мы отмечали Рождество – три апельсина, сахарную мышку, губную гармошку и... метаквалон. В пасхальной корзинке – хотя этот день мы не называли Пасхой – вместо желатинок я находила комочки гашиша. Хотела бы я забыть, что случилось на мой двенадцатый день рождения, когда я молотила по пиньяте рукояткой метлы перед своими сверстниками и их регрессировавшими родителями – бывшими хиппи, бывшими растаманами, бывшими анархистами. Как только цветное папье-маше разорвалось, на всех присутствующих вместо ирисок и трюфелей повалились упаковки виколина, дарвона, перкодана, ампулы аминитрата, марки ЛСД и всевозможные барбитураты. Разбогатевшие родители были в экстазе, а мои друзья и я – увы.

К тому же не надо быть нейрохирургом, чтобы понимать: не многим двенадцатилетним очень уж понравится на вечеринке, где одежда необязательна.

Самые мрачные сцены ада просто смешны по сравнению с этой: целое поколение взрослых голышом дерется на полу, хватая горстями капсулы кодеина, пыхтит и вырывает их друг у друга.

И эти люди беспокоились, что из меня вырастет мисс Нимфоман Нимфоманнер.

А сейчас мы с Арчером и Леонардом тянемся за Бабетт и Паттерсоном, пробираемся между холмами обрезков ногтей, серыми буграми из тонких серпиков – остатков маникюров и педикюров. Некоторые кусочки выкрашены в розовый, красный или голубой. Мы идем по узким каньонам, вокруг стекают ручейками, ссыпаются ногти. Ручейки в любой момент могут превратиться в настоящий обвал, который похоронит нас заживо (если можно так выразиться) под осыпью колючего кератина. Над головой пылающий купол оранжевого неба, вдали виднеются клетки, где наши коллеги – проклятые души – сидят в грязи и вечном запустении.

Мы бредем по извилистой тропе. Леонард продолжает перечислять имена демонов, с которыми мы можем столкнуться: Мевет, иудейский демон смерти; Лилит, крадущая детей; Решев, демон чумы; Азазель, демон пустынь; Астарот... Роберт Мэпплторп⁷... Люцифер... Бегемот...

Паттерсон и Бабетт неспешно поднимаются по склону на холм, из-за которого не видно, что впереди. На гребне они останавливаются. Даже мы сзади заметили, как напряглась Бабетт. Она прикрывает пальцами лицо, сгибается в талии, хватая себя за бедра и резко отворачивается, а потом вытягивает шею, словно ее вот-вот вырвет. Паттерсон оглядывается на нас и кивает, мол, быстрее. Хочет показать нам за горизонтом какую-то очередную гадость.

Мы с Арчером и Леонардом карабкаемся по склону ногтевых обрезков, хрустящих под нашими натужными шагами, как снег или песок. Наконец мы встаем рядом с Паттерсоном и Бабетт на краю склона. В полушаге от нас твердь обрывается, и дальше вскипает море насекомых, тянется до самого горизонта... Жуки, многоножки, огненные муравьи, ухвертки, осы, пауки, личинки, саранча и им подобные – все это кипит и бурлит, как зыбучий песок из клешней, усиков, членистых ножек, жал, панцирей и зубов, переливается черным с искорками желтого – осы – и салатového – кузнечики. Непрестанное шелканье и шуршание создает шум, похожий на оглушительный прибой земного океана.

⁷ Роберт Мэпплторп (Robert Mapplethorpe, 1946—1989) – американский фотограф, известный главным образом крупными черно-белыми снимками цветов и обнаженной мужской натуры. За гомоэротизм подвергался резкой критике.

– Круто, а? – говорит Паттерсон, футбольным шлемом обводя зыбь кипящего и волнующегося ужаса. – Любуйтесь!.. Море Насекомых.

Глядя на вспухающие потоки и волны жуков, Леонард корчит гримасу справедливого негодования:

– Пауки – не насекомые!

Наверное, я слишком часто это повторяю, но все-таки: скупой платит дважды. Пластмассовые туфли Бабетт уже развалились, ремешки лопнули, подошвы просят каши. Ее стройные ножки исцарапаны обрезками ногтей и осколками стекла. А вот мои прочные мокасины после долгого похода по подземному миру даже ношенными не кажутся.

Мы смотрим на огромное, колышущееся, как пудинг, жужжащее Море Насекомых. Тут сзади доносится крик. Между холмами из обрезков ногтей к нам бежит, запыхавшись, бородатый мужчина в тоге римского сенатора. Он вытягивает шею, оглядывается через плечо и повторяет:

– Пшезполница! Пшезполница!

На краю склона, встав над нашим обрывом, безумец в тоге тыкает дрожащим пальцем себе за спину. Вперив в нас широко раскрытые, умоляющие глаза, он вопит:

– Пшезполница!

Он быстро ныряет, сучит руками и ногами, но не сразу тонет в кипучей массе жуков. Раз, дважды, трижды он выныривает, пытаясь вдохнуть. Его рот уже набит жуками. Сверчки и пауки жалят его дергающиеся руки, срывают с них плоть. Целый рой ухверток вгрызается в глазницы, тысячножки нитями тянутся сквозь рваные кровавые дыры меж ребер.

Мы ужасаемся: что могло толкнуть человека на такое? И тут мы с Бабетт, Паттерсоном, Леонардом и Арчером одновременно оборачиваемся и видим, что к нам приближается медленной и тяжелой поступью какое-то существо.

VIII

Ты там, Сатана? Это я, Мэдисон. Возможно, ты сочтешь это забавным, но на нас напал демон поразительных размеров, что сподвигло кое-кого на настоящий акт героизма и самопожертвования – право же, от этого члена нашей компании такого никто не ожидал. Кроме того, я включаю еще немного сведений о своем прошлом, на случай если ты захочешь узнать побольше обо мне как об очаровательном и многогранном человеке, пусть и страдающем лишним весом.

Наша маленькая компания стоит на склоне перед Морем Насекомых, а к нам тяжелой поступью приближается огромная фигура. От каждого громоподобного шага вздрагивают окружающие холмы, сыплется пыльные каскады древних обрезков ногтей. Фигура так высока, что мы видим только ее силуэт на фоне пылающего оранжевого неба. Ее шаги так яростно сотрясают землю, что утес, на котором мы стоим, колеблется и дрожит, а обрезки ногтей вот-вот сдадутся и уронят нас в кипящую массу голодных жуков.

Первым заговорил Леонард. Он шепчет одно слово:

– Пшезполница!

В этой беде Бабетт слишком поглощена собой. Дешевизна ее аксессуаров – очевидная метафора, которую невозможно игнорировать. Она отражает выбор, сделанный в пользу поверхностной привлекательности, но в ущерб внутреннему качеству. Паттерсон, спортсмен, застыл в привычных традиционных взглядах. Это человек, для которого законы Вселенной закрепились очень давно и навсегда останутся неизменными. По контрасту, Арчер-бунтарь автоматически отвергает... все подряд. Из моих новообретенных компаньонов только Леонард кажется более или менее перспективным в смысле развития знакомства. И да, в слове «перспективный» я наблюдаю еще один симптом своей глубоко въевшейся склонности к надежде.

Тоже подчиняясь надежде, которая в данный момент проявляется в инстинкте самосохранения, Паттерсон очень медленно надевает шлем и кричит:

– Бегите!

Мои полные ноги тут же начинают двигаться. Арчер, Бабетт и Паттерсон кидаются в разные стороны, я – к Леонарду.

– Пшезполница! – выдыхает он, месит ногами мягкие слои ногтей, колотит воздух согнутыми руками. – Сербь называют ее «полуденной женщиной-смерчем».⁸

Он, тяжело дыша, бежит рядом со мной, карман с ручками прыгает на худой груди.

– Она любит откусывать людям головы, а потом отрывать руки и ноги...

Я быстро оглядываюсь и вижу женщину, которая возвышается над нами, словно торнадо. Ее лицо так далеко, что на фоне неба кажется крошечным, как солнце в полдень. Будто воронка из туч, ее длинные черные волосы хлещут воздух. Она колеблется, решает, кого из нас преследовать. Бабетт спотыкается, ее дешевые, разношенные туфли соскакивают с ног. Паттерсон сутулится, уворачивается и бежит зигзагами, от его шипованных бутс поднимается петушинный хвост обрезков ногтей, словно он проходит через линию защиты противника к очковой зоне. Арчер срывает с себя кожаную куртку и бросает, он бежит со всех ног, звякая цепью, обернутой вокруг ботинка.

Демон-смерч садится на корточки, тянет руку, растопырив пальцы, как парашют, медленно приближается к спотыкающейся и вопящей Бабетт.

---

⁸ Пшезполница (серб. pšezpolnica: приполдница, полуденница) – мифическое существо женского пола, которое появляется в полдень на поле, иногда закутанная в смерч. Она часто заговаривает со жнищами, а если с ней обращаются невежливо, откручивает им головы.

Несомненно, во всей этой панике есть элемент игры. Увидев, как демон Ариман разрывает и поедает Паттерсона и как Паттерсон потом регенерирует в такого же рыжего сероглазого футболиста, в некоем роде я понимаю, что настоящей смерти со мной уже не случится. При всем при том как-то очень неприятно быть разорванной на куски и съеденной.

Огромный демон-торнадо тянется к Бабетт. Леонард, приложив рупором ладони ко рту, кричит:

– Ныряй и закапывайся!

Итак, передаю вам бесценный опыт. В аду самая старая и испытанная стратегия – избегать опасности, закапываясь в окружающую среду. В аду почти негде укрыться, никакой флоры – если не считать куч жевательной резинки «Биманс», ореховой карамели «Уолнеттос», леденцов «Шугар Дэдди» и шариков из поп-корна. Поэтому единственный доступный способ спрятаться – зарыться куда-нибудь с головой (в нашем случае – в скопление обрезков ногтей).

Совет не из приятных, но вы меня еще не раз поблагодарите.

Хотя, конечно, вы не умрете. Что вы! Это после стольких-то человеко-часов аэробики!

Однако, если вы все-таки обнаружите себя мертвыми и в аду, когда к вам подойдет Пшез-полница, поступайте по совету Леонарда: ныряйте и закапывайтесь.

Я впиваюсь руками в холм рассыпчатых обрезков и с каждым движением обрушиваю целую лавину. Ногти падают на меня, колются, щекочут и царапают, а потом полностью погребают под собой и меня, и Леонарда.

О своей настоящей смерти я почти ничего не помню. Мама тогда представляла новый фильм, а отец получил контрольный пакет акций... кажется, в Бразилии – и, конечно, они привезли домой приемного ребенка из... короче, какого-то ужасного места. Моего названного брата на сей раз звали Горан. С жестокими припухшими глазами и низким лбом, этот сирота из какой-то измученной войной деревни бывшего концлагеря был лишен раннего физического контакта и импринтинга, необходимого, чтобы выработать эмпатию. С холодным взглядом змеи и массивной челюстью питбуля, он оказался безнадежно дефектным товаром, но лично для меня это сделало его еще привлекательнее. В отличие от всех предыдущих братьев и сестер, ныне разбросанных по интернатам и давно забытых, Горан произвел на меня неизгладимое впечатление.

Что до самого Горана, ему достаточно было кинуть голодный мрачный взгляд на богатство моих родителей, и он твердо вознамерился завоевать мое расположение. Добавьте к этому один увесистый пакетик марихуаны от отца, мое желание подружиться с Гораном, пусть даже с помощью этой мерзкой травы – вот и все, что я могу вспомнить об обстоятельствах того фатального передоза.

Сейчас, лежа в могиле из ногтей, я прислушиваюсь к биению своего сердца. Я слышу, как дыхание шумит у меня в ноздрях. Да, без сомнения, именно надежда заставляет мое сердце все так же биться, а легкие – дышать. Старые привычки действительно умирают с трудом. Земля надо мной вздымается и сдвигается от каждого шага демона. Мне в уши сыплются обрезки ногтей, заглушают крики Бабетт и щелканье мириады челюстей из Моря Насекомых. Я считаю удары сердца и борюсь с желанием найти своей рукой руку Леонарда.

И тут мои руки оказываются прижаты к бокам, обрезки ногтей больно колют кожу – я взмываю в вонючий серный воздух, в пылающее оранжевое небо!

Пальцы огромной руки стискивают меня, как смиренная рубашка. Они вырвали меня из сыпучей земли, будто морковь или редиску из подземного сна.

О боги, может, я избалованная и непрактичная дочка знаменитых родителей, но я все-таки в курсе, откуда берется морковь... Хотя откуда взялся Горан, я так и не разобралась.

С высоты я вижу все: Море Насекомых, Долину Битого Стекла, Великий Океан Проливной Спермы, бесконечные ряды клеток с проклятыми душами. Подо мной простирается весь ад, включая демонов, которые ходят туда-сюда и глотают несчастных жертв. В высочайшей

точке подъема меня поджидает каньон влажных зубов. Ветер гнилостного дыхания ударяет меня вонью похуже смрада общих туалетов экологического лагеря. Навстречу мне поднимается огромный язык со вкусовыми сосочками размером с мухоморы. Гигантский рот окаймлен губами, толстыми, как тракторные шины.

Чудовищная рука тянет меня в рот, и я хватаюсь за нижнюю губу. Мои ноги упираются в нее, я, как рыба кость, становлюсь слишком широкой и твердой, чтобы можно было меня проглотить. Губа под моими руками оказалась удивительно приятной на ощупь, кожаной, как диванчики в дорогом ресторане, но очень теплой. Будто касаешься сиденья «ягуара», на котором только что проехали от Парижа до Ренна.

Лицо демоницы так огромно, что я вижу лишь рот. На краю поля зрения – глаза, будто стеклянные, как магазинные витрины, только выпуклые. Они за оградой целой черной чащи ресниц. Я замечаю нос, похожий на дом с двумя открытыми дверями, причем каждая дверь занавешена тонкими волосами.

Рука подталкивает меня к зубам. Язык высовывается и касается мокрыми сосочками моего застегнутого на все пуговицы кардигана.

И когда я уже смирилась с судьбой, что постигнет меня в следующий миг – меня разжуют, смочат слюной и проглотят, а кости выплюнут, как скелеты всех корнуэльских куриц, которых я съела при жизни, – гигантский рот заходится криком. Это даже не крик, а сирена воздушной тревоги, орущая мне прямо в лицо. Мои волосы, щеки и одежда – все хлопает и дрожит на ветру, как флаг в ураган.

С меня слетает мокасина и падает, переворачиваясь, на землю рядом с крошечной фигуркой с синим ирокезом. Даже с высоты я вижу, что это Арчер, он стоит перед массивной босой ногой великанши. Вытащив из щеки свою огромную булавку, Арчер методично погружает острие, снова и снова, в кончик большого пальца ноги демоницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.